

О НОВОМ ЭКЗАМЕНЕ КАНДИДАТСКОГО МИНИМУМА

От редакции

В 2003 году ожидается важная перемена в жизни всех аспирантов и соискателей ученых степеней нашей страны: вместо философии кандидатский минимум будет включать экзамен по истории и философии науки. При этом один унифицированный экзамен для всех распадается, по сути дела, на двадцать три частных экзамена, так как каждому специалисту надо будет сдавать общую часть — философию науки — и историю своей собственной дисциплины: для физиков это будет история физики, для педагогов — история педагогики и т. д. Разработка новых программ и подготовка новых учебников уже началась. Головными организациями в этом деле назначены Институт философии и Институт истории естествознания и техники.

В последующих номерах ВИЕТ мы намерены подробно информировать наших читателей обо всем, связанным с новым экзаменом. А для начала мы попросили вице-президента РАН, заместителя председателя комиссии ВАК по введению нового экзамена кандидатского минимума Валерия Васильевича Козлова ответить на вопросы заместителя главного редактора ВИЕТ Дмитрия Александровича Баяка.

— Валерий Васильевич, первый вопрос очевиден. Как вы объясните необходимость введения нового экзамена?

У этого решения уже длинная история. Экзамен по философии был, как вы знаете, чрезмерно идеологизирован. Жизнь в стране изменилась, сменились идеологические нормы общества, и требовать в новых условиях от специалистов по всем направлениям науки и техники знания основ марксизма-ленинизма стало анахронизмом. И в большинстве советов старей экзаменов умер сам собой. Вместо него были приняты новые программы по истории философии, которая изучалась весьма не систематизировано. Я подключился к обсуждению этого вопроса два года назад, когда, будучи главным ученым секретарем ВАК и заместителем министра образования, принимал участие в пленуме ВАК, посвященном пересмотру номенклатуры нормативных документов по аттестации научных работников. На этом пленуме не только было общее согласие по поводу ликвидации экзамена по философии в его настоящем виде, но и высказывались предложения по радикальному сокращению количества экзаменов

кандидатского минимума. Были предложения отменить заодно и экзамен по иностранному языку. В конце концов пленум принял решение создать комиссию, которую возглавил вице-президент РАН Владимир Николаевич Кудрявцев, наш известный правовед. На нее возложили разработку продуманной политики, которая учитывала бы и наш, и зарубежный опыт и предусматривала последствия возможных решений. В эту комиссию вошли многие известные ученые: Андрей Александрович Гончар, Олег Алексеевич Богатиков, Виктор Антонович Садовничий... Надо сказать, что ее заседания носили бурный характер, но мы все-таки смогли договориться, что экзамен по языку лучше оставить, а экзамен по философии надо заменить экзаменом по истории и философии науки.

Все эти наши дискуссии вышли далеко за пределы самой комиссии и имели широкий резонанс в прессе. Высказывались самые разные соображения, и найденный в итоге компромисс был, вероятно, оптимальным. Мы стремились к тому, чтобы, сохранив общую гуманитарную направленность этого экзамена, придать ему большую осмысленность, привязав к истории развития конкретной науки, лучше всего

известной будущему диссертанту. Конечно, историю науки изучают в университетах. Например, у нас на мехмате есть курсы и по истории механики и по истории математики. Но для общего культурного развития будущему молодому специалисту, уже получившему высшее образование, не помешает еще раз вернуться и пересмотреть логику важнейших открытий той науки, в которой он специализируется.

— *Такая картина мне кажется немного идеализированной. В самом деле, на мехмате МГУ читают очень хорошие курсы и по истории математики, и по истории механики. Очень удачно, что философию там тоже ведут выпускники мехмата, делая особый упор на философию математики. Но если вы возьмете хотя бы физфак, то уже там ситуация намного хуже. А ведь в большинстве университетов никакой истории науки нет и вовсе. Выпускник такого вуза окажется перед новым экзаменом совсем неподготовленным.*

К сожалению, вы совершенно правы, и мы прекрасно понимаем, что выпускники разных университетов здесь находятся в неравном положении. Могу даже добавить, что кроме теоретических дисциплин есть прикладные науки, а кроме академических институтов — отраслевые. И там положение еще хуже. Поэтому наша главная задача — дать молодым людям возможность хорошо подготовиться к этому экзамену, чтобы его сдать, и, кроме того, получить ясное и глубокое представление о той науке, которой они занимаются. Как это лучше сделать, будет решать рабочая группа ВАК, возглавляемая академиком Геннадием Андреевичем Месяцем, вице-президентом РАН. Его заместители — академик Вячеслав Семенович Степин, директор Института философии, и я. Наша рабочая группа решает свою задачу в два этапа. Во-первых, мы занимаемся составлением программ по каждому направлению. Когда эти программы будут рассмотрены, одобрены и приняты, начнется второй этап, по завершению которого выйдет серия учебников или учебных пособий, — какой у них будет статус, еще предстоит уточнить. Учебники надо написать по всему перечню, содержащему двадцать четыре наи-

менования: от философии науки до истории педагогики. Объем каждого учебника — от десяти до пятнадцати печатных листов. Это, конечно, не означает, что каждому соискателю нужно будет протудировать все двадцать четыре книги. Общим для всех будет только первый учебник — по философии науки. А он, в свою очередь, будет состоять из двух частей: первая — о философских проблемах науки в целом, а во второй речь пойдет о философии конкретных наук, определенным образом сгруппированных. Отдельно будет выделена философия математики, так же как математика выделена среди прочих наук. На особом месте будут философские проблемы гуманитарных наук. Этот учебник, точнее его общая часть, разрабатывается в Институте философии. А остальные двадцать три учебника будут посвящены истории конкретных дисциплин, и соискателям или аспирантам надо будет держать экзамен только по одному из них. Этот список открывается историей математики, механики, физики и заканчивается историей гуманитарных наук. Истории философии также будет посвящен отдельный учебник.

Наша задача состоит не только в том, чтобы реализовать весь этот проект, но и в том, чтобы сделать это быстро. Сейчас уже начался переход к новому порядку присуждения ученых степеней.

— *Есть ли какие-нибудь конкретные сроки?*

Да, мы планируем начать прием экзаменов по новым программам уже со следующего года. Для этого всю содержательную работу надо выполнить в этом году. В организационном плане ею занимается наша рабочая группа, о которой я уже говорил, а координацию работ по составлению программ и написанию учебников взяли на себя два института Академии — Институт философии и Институт истории естествознания и техники. Здесь будут формироваться авторские коллективы, но важно, чтобы они включали в себя специалистов не только из самой Академии, но и из высшей школы, отраслевых учреждений. Понимая всю уникальность и ответственность этих проектов мы постарались обеспечить адекватный гонорарный фонд из средств Академии и Министерства образования. К тому же достиг-

нута договоренность с объединением МАИК «Наука», что они покроют из своих средств все полиграфические расходы.

— *А какие-нибудь программы уже утверждены?*

Пока нет. Но проекты уже есть по многим дисциплинам. Дальше они будут утверждаться, и по утвержденным программам мы объявим конкурс на учебники. Но мы, конечно, рассчитываем, что коллективы разработчиков программ будут главными кандидатами написание самих учебников. Мы надеемся, что большая часть этой работы будет завершена в этом году, и поэтому ищем авторов среди ведущих специалистов, у которых уже есть определенный задел. Но при этом мы понимаем, что написание учебников, особенно хороших, — это процесс творческий, и в нем возможны задержки.

— *А что это будет означать на практике? Допустим, например, что учебник по истории математики уже готов, а по истории педагогики — только-только утвердили программу. Какое решение в таком случае примет ВАК: математики должны дождаться отстающих или перейдут на новый экзамен, пока педагоги продолжают сдавать философию по старым программам? И потом, когда переход к новому экзамену уже будет завершен, будет ли допускаться определенная вариативность, или специалисту, учившемуся в аспирантуре по математике, но выходящему на защиту с работой по механике, придется досдавать историю механики при уже сданной истории математики?*

На все эти вопросы у ВАКа ответов пока нет, но они имеются в виду, обсуждаются, и по ним будут приняты наилучшие решения. Пока могу сказать только одно: диссертантам, сдавшим экзамены по старым программам, но на защиту выходящим после введения новых, ничего досдавать не придется. Советы зачтут им уже полученные оценки. Конечно, это справедливо только в течение определенного срока, но он тоже пока не установлен. Эти все вопросы следует отрегулировать при помощи специальных писем, инструкций и постановлений, и я надеюсь, что все они будут своевременно подписа-

ны и разосланы. Что же касается самих учебников, то они, безусловно, будут выходить по мере готовности, и никто никого тут ждать не будет. И я считаю, что сам по себе выход этих учебников будет иметь существенное значение, и многие специалисты разделяют это мое мнение. В частности, сразу радикально изменится система преподавания этих дисциплин в вузах. Мы рассчитываем и на международный резонанс. Ведь здесь важен уже сам охват: учебники покроют весь спектр историко-научных дисциплин в единой перспективе и в одной и той же стилистике.

— *Мне представляется весьма вероятным, что переход к новым кандидатским экзаменам подтолкнет многие вузы, в основном университеты, к расширению в их программах места для истории и философии науки. И тут-то окажется, что учебников и прочих учебных материалов не хватает. Как Вы думаете, смогут ли они воспользоваться теми книгами, которые будут сейчас выпущены?*

Я этого не исключаю, хотя это возможно только отчасти. Те учебники, подготовкой которых мы сейчас заняты, для университетских курсов, вообще для студентов слишком лаконичны. Далеко не все студенты претендуют потом на ученую степень. Это совсем другой образовательный уровень, другая степень подготовки. Вы совершенно правы, когда говорите о том, что новый кандидатский экзамен подтолкнет вузы к введению в свои учебные планы полноценного курса истории науки. И те учебники, которые, как мы надеемся, увидят свет в конце этого — начале будущего года, послужат для него основой. Но в дальнейшем для своих учебных целей они будут выпускать и новые учебники, больше приспособленные к студенческой аудитории. Впрочем, это уже мои фантазии, я не могу Вам ответить с уверенностью. Единственное, в чем я уверен, это в том, что такой предмет совершенно необходим.

Но мне хочется сказать и вот о чем еще: мы думаем, что изменение программы экзаменов несколько изменит и стиль преподавания философии. Сейчас в нем слишком много релятивизма: вот была

такая теория, а потом другая... Во многом философия сводится к своей истории, без какой-либо оценки сменяющих друг друга учений. Отсюда в головах студентов возникает каша, а чтобы ее избежать, нужна систематизация.

Развитие конкретных наук многим связано развитию философии в целом. Отражение этой связи в университетских курсах пойдет, мне кажется, им на пользу, и она уже не будет столь догматичной и однобокой, как в курсах философии марксизма-ленинизма.

— Мне кажется, что в этом отношении очень полезен опыт мехмата, где философию преподают преимущественно его же выпускники. Но, вообще говоря, новый экзамен поставит сложную задачу перед преподавателями, которым надо будет его принимать. Смогут ли они быстро переориентироваться? Это в Москве, Петербурге или Нижнем Новгороде ситуация со специалистами по истории науки относительно благополучна. Но в большинстве-то городов их почти нет.

Все так, но, вы знаете, это положение уже начало меняться. Сейчас обсуждаются возможности открытия филиалов Института истории естествознания и техники в Ростове-на-Дону и Уфе. Существуют кафедры истории науки и техники во многих вузах — как в столицах, так и в регионах. И постепенно их количество увеличивается. Вводя новый кандидатский экзамен, мы хотим ускорить этот процесс и надеемся, что вскоре во всех крупных образовательных и академических центрах будут специалисты этого профиля, которые смогут принимать экзамены. Но в то же время, мы должны быть реалистами, и наша задача не допускать снижения качества диссертационных работ и профессионального уровня специалистов со степенью. Так что мы не видим никакой драмы в том, что, пока нужных специалистов нет, экзамен будет приниматься не повсеместно, а только в определенных местах, где они есть. По мере создания необходимой базы, возможности для сдачи этого экзамена будут расширяться.

— Мой последний вопрос немного из другой области. Он носит более общий харак-

тер. У меня есть субъективное ощущение того, что престиж научных степеней в нашей стране, упавший было в годы перестройки, снова стал расти. Действительно ли это так?

У меня по этому поводу есть статистика, только я не знаю, как к ней относиться. В середине 1980-х гг., в самом начале перестройки, в СССР ежегодно защищались столько же специалистов, сколько сейчас только в России. Но ведь СССР уже нет, а население России почти вдвое меньше. То есть относительное количество защит у нас выросло почти вдвое. Значит, у нас все эти годы активно развивалась наука? Ведь нет, напротив, — она переживала, может быть, самое тяжелое для себя время. Единственный возможный вывод — это снижение требовательности советов, следовательно и качества диссертаций. Отсюда падение престижа. Особенно тревожен рост защит по гуманитарным дисциплинам. Например, по педагогике у нас сейчас не вдвое больше защит, а на порядок больше.

Если вы посмотрите на распределение по дисциплинам в 1980-е годы, вы увидите, что почти половину там занимали технические науки — 47%, и только 20% — общественные и гуманитарные науки. А сейчас произошла точная инверсия: около половины всех диссертаций выносятся на защиту по гуманитарным и общественным наукам и только 22% по техническим. Этот перекокс нас очень беспокоит не только потому, что он сам по себе означает снижение уровня подготовки, а следовательно и престижа специалистов со степенью в соответствующих областях, но и потому, что успешное развитие России как индустриальной державы невозможно без непрерывной разработки новых технологий, основанных на новейших достижениях фундаментальных естественных наук. Нормальное функционирование научного организма невозможно без адекватной и справедливой оценки труда ученых, распределению их в академической системе в соответствии со способностями и достижениями. Я уверен, что изменение системы присуждения научных степеней — необходимый шаг в этом направлении.

Беседу вел Д. А. Баюк